

УДК 82-9

**Коммуникативная стратегия журнального метатекста
«Трудолюбивой Пчелы» А.П. Сумарокова (на примере
декабрьского номера)**

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор Самарского государственного технического университета,
443100, Россия, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: goldword@mail.ru

Растягаев Андрей Викторович

Доцент Самарского института
Московского городского педагогического университета,
443081, Россия, Самара, ул.Стара-Загора, 76;
e-mail: avr67@yandex.ru

Аннотация

Гипотеза статьи заключается в предположении, что девять разделов декабрьского номера «Трудолюбивой Пчелы» А.П. Сумарокова образуют смысловое единство. Ядро семантической структуры декабрьского номера составляет утопия «Сон, щастливое общество». В ней автор-издатель создает утопический дискурс «мечтательной страны». Другие разделы номера подобраны по принципу диссонанса дискурсов.

Ключевые слова

Сумароков, литература 18 века, журнал «Трудолюбивая Пчела», утопия, античная традиция, масонство.

Введение

По замыслу издателя, «Трудолюбивая Пчела» (далее – ТП) должна была дать читателю материал для ежемесячного упражнения в скромности, добронравии, любви к отечеству, трудолюбию и одновременно перевести информационное воздействие на метатекстовый уровень. ТП создала прецедент особого рода журнального метатекста. По мысли В.С. Киселева, «главная заслуга журнального метатекста – это приход к осознанию ведущей роли коммуникативной стратегии в создании повествовательного единства»¹. В основе коммуникативной стратегии ТП – трансляция религиозно-философских воззрений А.П. Сумарокова.

Издатель первого русского частного журнала был одним из первых русских масонов². Масоны стремились «постичь законы разума и на основании этих законов построить жизнь своего духа и тела»³. По убеж-

дению масонов, правильная иерархия духовных ценностей была нарушена в ходе развития цивилизации. Божественный нектар естественного разума превращен «змеей гордости» в яд ложного просвещения.

Масоны верили, что нужно перестраивать общественные отношения, восстанавливая улей – правильную иерархию моральных ценностей. Для этого необходимо истинное Просвещение, которое воздвигнет совершенное здание государственного устройства, основанное на естественной религии, естественном праве и естественном языке. Человек должен стать трудолюбивой пчелой и постичь «науку семи должностей», обратившись к естественному нектару – Мифологии. Однако еще более полезен мед – мудрость древних (Эпиктет, Сократ, Эсхин, Платон, Сенека, Марк Аврелий, Лукиан, Цицерон) и новых (Муре, Гольберг, Фонтенель, Вольтер) писателей-моралистов. Екатерининские масоны ощущали себя еще и наследниками «русской святости»: именно масонство дало первым русским интеллигентам целостное мировоззрение.

Уникальность издательского опыта Сумарокова в том, что новое

1 Киселев В. С. Метатексты в русской прозе XVIII столетия: эволюция повествовательных форм // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 65. – М., 2006. – № 3. – С. 26.

2 См.: Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. – М.: Тип. Грачева и К., 1867. – С. 92–93.

3 Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. – СПб.:

Издательство имени Н.И. Новикова, 1999. – С. 39.

повествовательное единство создавалось с ежемесячной периодичностью, а сама периодичность журнала и его тираж в 1200 экземпляров порождали качественно иное социокультурное пространство.

«Декабрьская пчела» как метатекст

Декабрьский номер ТП состоит из девяти разделов:

I. Речь о пользе и превосходстве свободных наук;

II. Есхина Сократического Философа о Добродетели;

III. Из Тита Ливия;

IV. Сон;

V. Из Гольберговых писем;

VI. К издателю Трудолюбивой Пчелы;

VII. О копиистах;

VIII. К бессмысленным рифмоторцам;

IX. Раствавание с Музами (768).

Семантическое ядро номера – «Сон, Щастливое общество» А.П. Сумарокова (738–747). Это четвертый (IV) из девяти (IX) разделов последней журнальной книжки. Логика размещения разделов в пределах декабрьского номера задает общий коммуникативный код и сквозную тему.

Открывает декабрьский номер переводная статья «Речь о пользе и превосходстве свободных наук, говоренная Марком Антонию Муретом, пресвитером, законоучителем и гражданином римским в Венеции 1555 году»⁴.

«Речь» Мюре произнесена в защиту риторики, филологии и стихотворчества. Филолог, толкуя «стихотворческия книги не праздными басенками по обыкновению кормилиц сердца веселит, но посеваает добродетель и учение...» (716–717). Мюре называет красноречие силой, которая «по своему произволению на все стороны сердца слушателей преклоняет», которая «утешает сетующих, страждущих ободряет, падших возстановляет», которая «беззаконным погибелью, неповинным защитою, злодеям страхом, добродетельным людям есть украшением» (717). Заканчивает оратор страстную речь призывом к сенаторам поощрять упражнения в свободных науках, чтобы «правление сего благополучнейшего общества» могло «подражать впредь ... благоразумию» (722).

Перевод «Речи» Мюре Н.Н. Мотониса помещен в начале декабрьского номера ТП не случайно. Имен-
4 Далее «Речь».

но он дает тематический ключ к нарративной стратегии метатекстового единства, определяя его проблематику и поэтику. Центральная проблема номера – счастливое общество, в основании которого положена человеческая добродетель. Поэтому естественным образом философская проблематика уступает место этической в последующих статьях декабрьской книжки ТП – в двух переводах Г.В. Козицкого «Эсхина сократического философа разговор о добродетели: Можно ли оную приобрести учением»⁵ (722–734) и «Из второй книги историй Тита Ливия Патавиана. О походе Фабиев против вейентян»⁶ (734–738).

В переведенном Козицким «Разговоре о добродетели» Сократ задает Другу вопрос: «Можно ли научить кого, быть добродетельным, или нет? а когда последнее истинно, то от естества ли бывают люди добрые, или иным каким образом?» (722). Философ не думает, «что бы можно было научить добродетели» (728). Более того, «добродетели учить дело не возможное» (729). Добродетель есть «божественное некое дарование, и люди бывают добрыми не иначе как провещатели и прорицатели. Ибо и сии ни

искусством, ни от природы таковыми бывают, но божииим мановением» (732–733). Добродетельные люди избранны свыше. Русский переводчик ни разу не упоминает имени Эроса, о божественном даре которого собственно и идет речь у Эсхина. Поэтому высшее избранничество вполне естественно коррелирует в читательском сознании либо с идеей христианской святости, либо с масонством.

Следующая статья номера – перевод из «Истории» Тита Ливия – как раз и повествует о таком избранном римском роде – роде Фабиев. Идея основного исторического труда Тита Ливия (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – прославление героики и патриотизма предков. Он не исследователь, а литератор, который повествует о событиях без их анализа. Переведенный Г.В. Козицким отрывок из II книги «Истории Рима от сотворения Города» Тита Ливия посвящен походу Фабиев против вейентов. Любопытно, как лаконично рассказывает ту же историю, но в полном объеме римский автор IV в. Секст Аврелий Виктор в сочинении «О знаменитых людях». Его текст является фабулой истории без свойственного Титу Ливию пафоса: «Когда римляне воевали с вейентами, род Фабиев потребовал, чтобы борь-

5 Далее Эсхин «Разговор о добродетели».

6 Далее Тит Ливий «История».

ба с этими врагами была предоставлена именно ему, и против вейентов выступило триста шесть Фабиев под предводительством консула Фабия. Неоднократно одержав над ними победу, они разбили лагерь на берегу реки Кремеры. Вейенты, прибегнув к хитрости, выгнали на противоположном берегу на виду у них свой скот; бросившись за ним, Фабии попали в засаду и были перебиты все до одного. День, когда это произошло, был объявлен несчастливым (неприсутственным). Ворота города, через которые они вышли, названы были Проклятыми. Один только представитель этого рода был оставлен дома ввиду несовершеннолетия, он и продолжил род до Квинта Фабия Максима, сломившего силы Ганнибала своей выдержкой»⁷.

В отличие от Секста Аврелия, Тит Ливий «создал «поэтическую эпопею в прозе», написанную «сильным, эмоционально захватывающим языком»⁸. Историю похода Фабиев против вейентов Тит Ливий разделя-

ет на две части. В первой речь идет о предыстории противостояния вейентов и римлян, о решении Сената поручить войну на этом направлении одному роду – роду Фабиев и о торжественном проводе трехсот шести патрициев. Во второй части повествования все триста шесть римских патрициев, попав в западню, гибнут на поле боя.

Г.В. Козицкий, признанный знаток древних языков, делает точный перевод текста Тита Ливия. Однако он берет только первую часть истории. Заканчивает переводчик XVIII века так: «А когда они мимо замка... тогда все единомышленно возсылали молитвы к богам... что бы идущему воинов собранию щедротами своими щастие и благополучие даровали, и скорым онаго при ненарушимом здравии возвращением обрадовали родителей их и все отечество» (378). У Тита Ливия на этом текст первой части не заканчивается. Козицкий отсекает последние три предложения и намеренно обрывает повествование Тита Ливия, лишая историю трагической развязки. Кроме того, Козицкий не только усекает текст Тита Ливия, но и включает в свой перевод слова-

7 Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях // Римские историки IV века / Отв. ред. М.А. Тимофеев. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 179–224. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/aur-vict/vir-ill-f.htm>

8 Черемухина Н. М. Историография I в. до. н. э. // Лосев А.Ф. Античная лите-

ратура / Под. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: ЧеРо, Омега-Л, 2008. – С. 432.

маркеры, призванные создать диссонанс дискурсов: «Римские ... полки» (735), «приказ ... всем в ружье» (736), «вышедши в сени» (376), «сонм» (737). Благодаря словам-маркерам сюжетное развертывание происходит одновременно в двух локусах: Риме V в. до н.э. и Петербурге второй половины XVIII столетия. Таким образом, читатель ТП оказывался в особом социокультурном пространстве, координаты которого жестко заданы общей точкой зрения переводчика-нарратора и издателя-автора.

Непосредственно после переведенного отрывка помещается «СОН, ЩАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО» Сумарокова, т.е. буквально на одной странице приводятся слова Тита Ливия, переведенные Козицким как «щастие» и «отечество», которые прямым образом рифмуются с заглавием сумароковской утопии. Помимо явного формального композиционного единства предшествующей статьи и «Сна» Сумарокова налицо и общность метатекстового порядка. Текст начинается словами: «Заснув *некогда* (здесь и далее курсив наш – Ю.С., А.Р.) увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенное в такое состояние, какового несовершенство естества достигнуть может» (739).

Наречие *некогда* в семиотике относится к категории т.н. эгоцентрических слов, то есть таких, которые определяют субъектную, пространственную и временную локацию в схеме: автор – текст – читатель – среда. Наличие этих маркеров – типичный признак художественной литературы. Однако, по наблюдениям А.А. Шунейко, масонские тексты «можно отнести к числу неэгоцентрических, то есть таких, для которых эгоцентрические слова оказываются неактуальными»⁹. Слово *некогда* не проясняет время, о котором идет речь. В тексте «Сна», как и в большинстве масонских текстов, транслируемая информация существует «за пределами категорий авторства (источника, лица), времени и места»¹⁰. Модальность такого текста размыта. Благодаря зачину «Сон» перестает соотноситься с хронотопом существования автора и читателей. Такие координаты, как «заснув некогда», а проснулся под звон колоколов, которые «стали звонить и меня разбудили», не дают читателю никакого представления о соотносимости художественного времени ни с годовым,

9 Шунейко А.А. Масонская символика в языке русской художественной литературы XVIII – начала XXI веков. – Хабаровск: ДВГГУ, 2006. – С. 9.

10 Там же.

ни с месячным, ни с суточным циклом жизни человека.

Временная граница, обозначенная словом *некогда*, отсылает нас к библейским текстам, в которых таким образом разделялось время несмысленного безбожия и осмысленной веры в единого Бога. Аллюзивно можно реконструировать идейную связь с «Посланием к Римлянам Святого Апостола Павла»: «Я жил *некогда* без закона» (Рим. 7: 9); «ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим» (Рим. 7: 22). Эта граница отделяет время, когда люди жили плотскими похотями и помыслами, от времени обретения Божественных заповедей. Освящая неофитов, апостол Петр проповедовал: «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; *некогда* не народ, а ныне народ Божий; *некогда* непомилованные, а ныне помилованы» (1 Петр 2: 9–10).

Очевидно, и для Сумарокова жизнь по закону отличает сообщество от общества: именно закон помогает несовершенной человеческой природе достичь совершенства. Заснув *некогда*, т.е. непосвященным, и пройдя (во сне) путь духовного саморазвития,

автор-сновидец проснулся под звон колоколов освященным человеком. Приятие текста «Сна» для читателя есть путь приобщение к Божественной истине.

Эгоцентрическим словом-лидером оказывается наречие *там(о)*. Оно фиксируется в тексте 10 раз: «главное Светское правление называется *там*, Государственный совет» (741); «а грамоте *тамо* все знают» (742); «дети *тамо* за отеческие прослуги не наказываются» (743); «не имеют *тамо* люди ни благородства, ни подлордства» (743); «преступить закон *там* народ весьма опасается»; «и так не судьи *там* страшны, но суд»; «всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество, и всякое ремесло... *тамо* в почтении» (743–744); «слово тунеядец жестокая *тамо* брань» (744); «пьянство ... так же в великом *тамо* презрении» (744); «привычка ... и мужество еще не довольны *тамо* для Военачальника» (746).

«Мечтательная страна», отечество для своих подданных, таким образом, располагается в нелокализованном бытийном метафизическом пространстве. Категория места указывается, но не называется – это Рай, абстрактная область, в пределе охва-

творяющая все воображаемое пространство. Семантически очерчиваемый контур благоденствующего мира соотносим с наречием *везде*. Единственным локализатором, выстраивающим параллель между мнимым и реальным миром, является местоимение *наш*. С его помощью субъект видения показывает читателю объем книги законов, которым подчиняется счастливое общество: «Книга узаконений их не больше *нашего* Календаря».

Присутствие автора явлено в тексте шестью местоимениями *я* – двумя в начале повествования («Заснув некогда увидел *я...*»; «начну *я* собственно ево особою») и четырьмя в финале («Больше бы *мне* еще грезились; но *я* живу под самую колокольню: стали звонить и *меня* разбудили, и лишили *меня* сего приятнейшаго привидения»). Композиция «Сна» оказывается закольцованной точкой зрения нарратора.

Текст «Сна» образует, таким образом, замкнутую систему, и этот факт имеет символическое обоснование. Масонство предполагало возврат к потерянной со времен Золотого века гармонии, равенство человека и Бога в обладании знанием. Эволюция духовной жизни масона – это обретение утраченного, движение по кругу,

образующее мифологическое время, где конец и начало могут меняться местами. *Я* – это центр, совмещающий в себе всю совокупность предшествующего и последующего. В финале субъективизм автора нарочито усиливается лексическим повтором косвенных форм личного местоимения *я*. Заключительное обращение к Богу: «Дай боже, что бы сны подобные сну сему многим видилися, а особливо наперсникам фортуны» (747), – образует ступенчатую восходящую иерархию *я* – *наперсник фортуны (Государь)* – *Бог*.

Таким образом, отсутствие конкретных локаций, ирреальная модальность обуславливаются идеологическими установками масонства, в соответствии с которыми оно осуществляет хранение и трансляцию всеобщих Божественных знаний и истин. Они универсальны: существуют всегда, всюду и для всех. Они обязательны и для жителей «мечтательной страны», и для читателей ТП.

«Сон» Сумарокова сочетает в себе жанровые признаки основных видов утопий литературы русского Просвещения: эвномии (государственной утопии) и эвпсихии (педагогической утопии идеального воспитания)¹¹.

11 См. Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-

Смыслорождение, заданное периферийной «Речью» Муре, маркирует метатекст декабрьского номера именами Платона и Цицерона, отсылая соответственно к текстам «Государства» и «О государстве».

Известно, что одна из первых моделей утопии описывается Платоном в Книге IV «Государства». Начинается повествование с поэтологического посыла: «Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так, чтобы лишь кое-кто в нем был счастлив, но так, чтобы оно было счастливо все в целом; а вслед за тем мы рассмотрим государство, ему противоположное» (Платон 1994, 189). Подобным образом по принципу антитезы автор-издатель ТП после «Сна» публикует отрывок «Из Гольберговых писем» в переводе И. Борисова (748–755) и две статьи собственного сочинения – «О копиистах» (757–762) и «К несмысленным рифмотворцам» (763–767).

Людвиг Хольберг считал себя «моралистом, все свое научное и художественное творчество подчи-

нял воспитательным задачам»¹². В 1748–1754 гг. он создает пять томов писем – «Epistler». Как нам удалось установить, в декабрьском номере ТП под заглавием «Из Гольберговых писем» (748–755) публикуется перевод «Epistola CCLXXXIII» (1750) Хольберга, сделанный Иваном Борисовым. И. Борисов сделал точный построчный перевод с датского языка: «Вы хотите знать от меня, как самым лучшим образом слово Петиметер изобразить можно. Я сам долгое время в изобретении онаго всеу трудился. И для сего спрашивал я у других, которые сильнее меня в языке; однако до сего времени ни кто не имел щастия найти такова слова, которое бы точное тому знаменование имело. Некоторые думают, что слово Петиметер можно всего способнее так выразить: двуногий комар...» (748). Однако в оригинале говорится о *датском* слове и *датском* языке. Отсутствие слова *датский* в русском переводе снимает маркированность национального локуса и переводит проблематику статьи из сферы языка в область дискурса. Публикация в ТП статьи «Из Гольберговых писем»

эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис.... д-ра филолог. наук. – Екатеринбург, 2010. – С. 7.

12 Румер О. Гольберг // Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т. 2. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1929–1939.. 1929. – С. 588.

продиктована общим коммуникативным замыслом декабрьского номера. Петиметр – слово-маркер иного, противоположного «мечтательной стране» Сумарокова пространства. Петиметр манифестирует все французское – от «новомодного платья» до «Парижской Комедии». Он знак государства, устройство которого по принципу отрицательного параллелизма составляет оппозицию одновременно и платоновской, и сумароковской утопиям.

После ругательного письма Хольберга Сумароков помещает письмо «К издателю «Трудолюбивой пчелы». Читатель обращается к издателю ТП «от некоторого общества, которых благородные мысли ответственны знатности их и благородию» (756). Учитывая масонский характер издания, теперь можно однозначно утверждать, какое общество имеется в виду. Это все трудолюбивые почитатели ТП, разделяющие религиозно-философские воззрения елизаветинского масонства.

Уже к концу 1759 г. литературное творчество становится для Сумарокова «не инструментом просвещения, а инструментом преобразования унаследованного порядка бытия»: миссию литератора он уподобляет

«творцу, стоящему при дверях царства справедливости и нравственности»¹³. Частный случай несправедливости гофмаршала Сиверса, запретившего переписчикам театральным ролям носить шпаги, воспринимается Сумароковым чрезвычайно остро. В статье «О копистах» он буквально набрасывается на «род подьяческий», который «претворился ... в клопа и вполз на Геликон, ввернулся под одежду Мельпомены и грызет прекрасное тело ея» (759). Сумароков первый раз использует мотив «ухода из речи», грозит: «я больше ни чево Драмматического писать не стану, и слова своего я не отменю» (763).

«Уход из речи» – устойчивый архетип культуры. М.Н. Виролайнен предполагает, что в его генезисе две составляющие: «одна – идеологическая, восходящая к текстам Нового Завета», «другая связана с культурным механизмом, уходящим корнями в фольклор и языческую обрядовую практику»¹⁴. Сумароковское «Драмматического писать не стану» – свое-

13 Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. – М., 1997. – № 25. – С. 54.

14 Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – С. 454.

го рода обет молчания, отказ от собственного голоса, присущий особому лицу или социальной группе, которая совершает переходный обряд. С одной стороны, это продолжение нарративной стратегии «Сна» Сумарокова, где субъект видения «мечтательной страны» проходит путем платоновского Эра и воскресает или просыпается после временной или мнимой смерти. Совершив переход через границу двух миров, Эр утратил статус воина и стал вестником из загробного мира. Сумароков, повторно запуская культурный механизм архетипа «ухода из речи», дает понять, что претендует на качественно иную социальную роль. Его не устраивает роль драматурга, несмотря на всероссийскую и европейскую славу, и он отказывается от нее в статье «О копиистах». Сумароков готов и к еще большей утрате – отказу от стихотворства.

В статье «К несмысленным рифмоторцам» в пределах декабрьского номера ТП развивается заявленный в предшествующей статье мотив «ухода из речи», который на этот раз обусловлен авторской рефлексией самого процесса переживания жертвенной ситуации. На протяжении всей статьи ощущается особая внутренняя напряженность, которую невозможно

понять вне метатекстовой коммуникативной стратегии декабрьского номера в целом. Среди едких пассажей выделяется один: «А ежели вы хотите последовать искренности моей; так учитесь сперва, и то ежели имеете способность, и пишите; но зделайте то с первыми сочинениями своими, что зделал я со своими, девять лет писав; бросьте все оныя в печь; сие жертвоприношение Аполлону приятнее будет, нежели издание вашего вздора в печати» (764). Именно мотив жертвы меняет вектор сюжетного развертывания статьи «К несмысленным рифмоторцам» от сатирической памфлетности в сторону искренности и исповедальности. Исповедальный дискурс предполагает принципиально иной тип коммуникации. Исповедь, как и молитва, по Ю. М. Лотману, особый текст, построенный по принципу Я – Я коммуникации. Ее цель – не передача информации Другому, вовне, а именно рефлексия, направленная на саморазвитие говорящего или пишущего, на переход автора исповедального текста в иной статус¹⁵.

Исповедальный дискурс задается самим заглавием статьи. Сума-

15 См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 165.

роков обращается к *несмысленным* стихотворцам в духе библейской традиции. Тематическим ключом являются пять случаев словоупотребления слова «несмысленный» (ые): три в Ветхом Завете (Пс. 31: 9; Пс. 91: 7; Втор. 32: 6) и два в Новом Завете (Лк. 24: 25; Гал. 3: 1). Именно псалтирная топика задает исповедальный дискурс статьи «К несмысленным рифмоторцам». Сначала автор советует начинающим поэтам пройти через очистительную жертву первых неудач, а затем ссылается на свой личный опыт покаяния: «Был некогда и я сему подвержен согрешению, которому вы себя подвергаете, и слабые стихи выпустил» (765). Сумароков оправдывает собственный грех особым ученическим статусом, ссылается на метафизическое одиночество, на которое обречен всякий истинный поэт: «Я будто сквозь дремучий лес сокрывающий от очей моих жилище Муз без проводника проходил» (765).

Завершает последний номер ТП знаменитое стихотворение Сумарокова.

РАСТАВАНИЕ С МУЗАМИ

Для множества причин

Противно имя мне писателя и

чин;

С Парнаса нисхожу, схожу противу воли,

Во время пущего я жара моего,

И не взойду, по смерть, я больше на нево;

Судьба моей то доли.

Прощайте музы на всегда!

Я более писать не буду никогда (768).

Зная о возможном закрытии журнала с лета 1759 г., Сумароков продолжает его издание до конца года, пытаясь реализовать на практике утопическую идею воспитания просвещенного дворянина. По мысли В.М. Живова, в конце 1740-х гг. «именно утопическое величие целей побуждает Сумарокова расстаться с предсказуемой дворянской карьерой и вступить на путь литературы»¹⁶. В конце 1759 г. издатель ТП последовательно отказывается от драматургии, стихотворства и уходит из речи, как ему кажется, навсегда. Последняя фраза декабрьского номера ТП «ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЕ КОНЕЦ» есть свидетельство отказа от издательской деятельности. Это уже третье по сче-

¹⁶ Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. – М., 1997. – № 25. – С. 54.

ту символическое указание на осознанный выбор вполне определенного типа писательского поведения. Совершая своеобразный обряд тройного отречения, Сумароков обозначает претензию на новый статус литератора. Он «должен быть столь же высок, как статус вельможи, поскольку заслуги поэта перед монархом и государством не меньше, если не больше, чем заслуги государственного деятеля или полководца»¹⁷. Более того, «уход из речи» Сумарокова – это не театральная поза актера-трагика или банальный шантаж Елизаветы Петровны, к ней-то он на этот раз в меньшей степени апеллировал. В данном случае «уйти из родной речи – уйти из плоти, то же, что умереть, сгореть, утратить все, что подлежит утрате – ради обретения, не отличимого от потери»¹⁸. И неважно, что в действительности к поэтической и журналистской деятельности Сумароков вернулся уже в 1760 г., а к большой драматургии – в 1768 г. Он и уходил, чтобы вернуться, как платоновский Эр, неожиданно проснувшись на погребальном костре, чтобы рассказать важное. Ответить на

самый главный вопрос, как Апостол Павел: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело» (1Кор 15:35–38).

Только мы, «несмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки» (Лк. 24: 25), можем смотреть, но не видеть чуда воскресения, как не замечаем возвращения Сумарокова уже несколько столетий. Он вернулся, но совершенно вином облике, как и нампроочил себе в декабрьском номере ТП.

Заключение

Таким образом, коммуникативная стратегия журнального метатекста ТП превращала любое событие российской действительности в источник символических интерпретаций, не разрывая связи с бытовой обстановкой и запуская когнитивный механизм читательского восприятия разного уровня. В.С. Киселев пришел к выводу, что в конце XVIII столетия метатекстовые повествования стали

17 Там же. – С. 62.

18 Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – С. 452.

реализовывать новые модели циклизации. В них «аллегорические проекции смысла позволяли связать произведения, различные по жанру, тематике, сюжету, превратив их в части некоего универсального и иерархически построенного кругозора, на низшем уровне которого читатель мог оставаться эмпирически чувствующим и мыслящим существом, а на высшем превращался в герменевтического мудреца»¹⁹. Предпринятое исследование доказывает, что названная модель циклизации не только сложилась ранее, к 1759 г., но была гениально реализована в первом частном журнале Александра Петровича Сумароков, воспитав не одно поколение «трудолюбивых пчел».

Библиография

1. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. – СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 1999. – 576 с.
2. Виротайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – 503 с.
3. Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. – М., 1997. – № 25. – С. 24–83.
4. Киселев В.С. Метатексты в русской прозе XVIII столетия: эволюция повествовательных форм // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 65. – М., 2006. – № 3. – С. 20–31.
5. Ливий Тит. История Рима от основания города / Пер. В.М. Смирин: В 3 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1989. – 575 с.
6. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. – М.: Тип. Грачева и К., 1867. – 564 с.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 150–390.
8. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–420.
9. Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис.... д-ра филолог. наук. – Екатеринбург, 2010. – 51 с.
10. Румер О. Гольберг // Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т.

¹⁹ Киселев В. С. Метатексты в русской прозе XVIII столетия: эволюция повествовательных форм. – С. 27.

- 2 – М.: Изд-во Ком. Акад., 1929–1939.1929. – Ст. 587–589.
11. Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях // Римские историки IV века / Отв. ред. М.А. Тимофеев. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 179–224. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/aur-vict/vir-ill-f.htm>
12. Черемухина Н.М. Историография I в. до. н.э. // Лосев А.Ф. Античная литература / Под. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: ЧеРо, Омега-Л, 2008. – С. 429–435.
13. Шунейко А.А. Массонская символика в языке русской художественной литературы XVIII – начала XXI веков. – Хабаровск: ДВГГУ, 2006. – 397с.

Communication strategy of metatext in A.P. Sumarokov's magazine "Trudoliubivaia Pchela" (December issue)

Slozhenikina Yuliya Vladimirovna

Doctor of Philology, professor,
Samara State Technical University,
P.O. Box 443100, Molodogvardeiskaya st., 244, Samara, Russia;
e-mail: goldword@mail.ru

Rastyagaev Andrei Viktorovich

Associate professor,
Institute of Samara Moscow City Pedagogical University,
P.O. Box 443081, Stara-Zagora st., 76, Samara, Russia;
e-mail: avr67@yandex.ru

Abstract

The hypothesis of the paper is in the assumption that the nine sections of the December issue of the magazine "Trudoliubivaia Pchela" issued by A.P. Sumarokov form a unity of meaning, the precedent of a special kind of journalistic metatext. At the heart of the communicative strategies of the magazine lies the broadcasting

of religious and philosophical beliefs of Sumarokov. The uniqueness of his publishing experience is that the new narrative unity has been created with a monthly frequency, and its circulation to 1,200 copies gave rise to a qualitatively different socio-cultural space. Publisher of the first Russian private journal was one of the first Russian masons. Masons of Catherine period also felt like the heirs of the "Russian holiness": freemasonry gave first Russian intellectuals a holistic worldview. The logic of placing sections within the limits of December issue sets the general communicative code and cross-cutting theme. Utopia, "Dream, happy society", forms the core of the semantic structure of the December issue. In it the author-publisher creates a utopian discourse of "dreamy country". Other sections of the magazine are selected on the basis of dissonance discourses. Communication strategy of journal metatext turned any event of Russian reality into symbolic interpretations, without breaking the connection with the home environment and cognitive mechanisms triggering the reader's perception on different levels.

Keywords

Sumarokov, utopia, Freemasonry, literature, magazine, ancient tradition.

References

1. Cheremukhina, N.M. (2008), "Historiography of I century B.C." ["Istoriografiya I v. do. n. e."], in Losev, A.F., *Ancient literature* [*Antichnaya literatura*], Moscow, pp. 429–435.
2. Kiselev, V.S. (2006), "Metatext in Russian prose of the XVIII century: the evolution of narrative forms" ["Metateksty v russkoi proze XVIII stoletiya: evolyutsiya povestvovatel'nykh form"], *Izvestiya. Seriya literatury i yazyka*, Moscow, Vol. 65, No. 3, pp. 20–31.
3. Longinov, M.N. (1867), *Novikov and Moscow martinists* [*Novikov i moskovskie martinisty*], Moscow, 564 p.
4. Lotman, Yu.M. (2000), "Inside the worlds of thinking" ["Vnutri myslyashchikh mirov"], in Lotman, Yu.M., *Semiosphere* [*Semiosfera*], St. Petersburg, pp. 150–390.
5. Plato, (1994), "State" ["Gosudarstvo"], in Plato, *Collected Works: In 4 vls.* [*Sobranie sochinenii: V 4 tomakh*], Vol. 3, Moscow, pp. 79–420.

6. Prikazchikova, E.E. (2010), *Cultural myths and utopias in literature, memoirs and epistolary of the Russian Enlightenment: abstract of dissertation* [*Kul'turnye mify i utopii v memuarно-epistol'yarnoi literature russkogo Prosveshcheniya: avtoreferat diisertatsii*], Ekaterinburg, 51 p.
7. Rumer O. Golberg (1929–1939), *Literary Encyclopedia: In 11 vls.* [*Literaturnaya entsiklopediya: V 11 tomakh*], Vol. 2, Moscow, pp. 587–589.
8. Sextus Aurelius Victor (1997), "About famous people" ["O znamenitykh lyudyakh"], in Timofeev, M.A. *Roman historians of IV century* [*Rimskie istoriki IV veka*], Moscow, pp. 179–224, available at: <http://ancientrome.ru/antlittr/aur-vict/vir-ill-f.htm>
9. Shuneiko, A.A. (2006), *Masonic symbolism in the language of Russian literature of XVIII – early XXI centuries* [*Masonskaya simvolika v yazyke russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII – nachala XXI vekov*], Khabarovsk, 397 p.
10. Titus Livius, (1989), *History of Rome from the founding of the city: In 3 vls.* [*Istoriya Rima ot osnovaniya goroda: V 3 tomakh*], Vol. 1, Nauka, Moscow, 575 p.
11. Vernadsky, G.V. (1999), *Russian Freemasonry in the reign of Catherine II* [*Russkoe masonstvo v tsarstvovanie Ekateriny II*], St. Petersburg, 576 p.
12. Virolainen, M.N. (2003), *Speech and Silence: Scenes and myths of Russian literature* [*Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoi slovesnosti*], Amfora, St. Petersburg, 503 p.
13. Zhivov, V.M. (1997), "The first Russian literary biography as a social phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov" ["Pervye russkie literaturnye biografii kak sotsial'noe yavlenie: Trediakovskii, Lomonosov, Sumarokov"] *Novoe literaturnoe obozreniye*, Moscow, No. 25, pp. 24–83.